

© ШЕВКУН П.В., 2004

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ КИЕВСКОЙ МИТРОПОЛИИ В СЕРЕДИНЕ - 2-ОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

ШЕВКУН П.В.

*Витебский государственный медицинский университет,
кафедра социально-гуманитарных наук*

Резюме. Работа посвящена проблеме развития Киевской митрополии в сер. – втор. пол. XVI в. Показано, что образование к концу XVI в. на территории митрополии двух фактически независимых, воспринимающих себя как православные, церковных структур было во многом обусловлено процессами оформления белорусской и украинской народностей.

Ключевые слова: *Великое княжество Литовское, епархия, Киевская митрополия, Речь Посполитая, собор, уния.*

Abstract. The study concerns the problem of the Kiev metropolitan diocese development within the middle – the second half of the XVI century. It is shown that the formation of two really independent church structures on the territory of the Kiev metropolitan diocese to the end of the XVI century which considered themselves Orthodox was in many respects caused by the processes of the Ukrainian and Belarusian nationalities formation.

В истории Киевской митрополии середина – вторая половина XVI в. пользуется повышенным вниманием исследователей. Интерес вызван прежде всего тем, что в 1596г. была заключена уния между православной церковью Речи Посполитой (РП) и Ватиканом. Это уникальное событие предопределило последующее религиозно-культурное развитие Беларуси и Украины. Среди причин, повлиявших на заключение унии и на общее состояние православной церкви РП, выделяют: позицию католической стороны и королевской власти, братское движение и действия константинопольских патриархов, стремление к реформам в церкви и распространение протестантизма. Вместе с тем, практически не рассматривается влияние национального фактора на процессы в Киевской митрополии в середине – второй половине XVI в., хотя в её состав входили епархии, охва-

тывающие как территорию Беларуси, так и Украины. Современная историография национальную проблематику исследует применительно к XVII-XVIII в. Советская историография, хотя и усматривала в некоторых проявлениях религиозной жизни украинского и белорусского народов (например в братском движении) национально-освободительную борьбу, однако характерный для неё классовый подход не позволил подойти к решению этого вопроса более глубоко и дифференцированно. Отходя от прямолинейности советской историографии, необходимо подчеркнуть, что национальная составляющая в развитии Киевской митрополии проявлялась в тесной связи как с принципами православно-церковной организации, так и с особенностями развития европейской культуры и общества в XVI в. С распространением протестантизма и последовавшими религиозными войнами потребовалось чёткое определение принципа государственно-церковных взаимоотношений. Оно было дано в результате Аугсбургского религиозного мира в 1555г. и гласило:

Адрес для корреспонденции: 210023, г.Витебск, пр.Фрунзе, 27, Витебский государственный медицинский университет, кафедра социально-гуманитарных наук - Шевкун П.В.

«*cuius region ejus religio*» («чья страна, того и вера»). Данное положение, с одной стороны, выражало традиционный монархический принцип взаимоотношения церкви и государства. С другой, в реалиях XVI в. явилось свидетельством новых процессов – процессов складывания национальных церковных организаций, так как подчёркивало особую связь между самостоятельной светской властью определённого региона и местной церковью, взаимность их интересов. На территории РП указанное положение проявлялось посредством унии церквей. Было необходимо, чтобы православное население белорусских и украинских земель, входящих в состав РП, стало единоверным с королевской властью. Для церкви – это важнейшее условие успешности её миссии, для монархии – тот фундамент, благодаря которому она существует. Усиление центробежных тенденций в митрополии свидетельствовало о процессах складывания национальных церковных организаций. Завершение формирования белорусской и украинской народности не могло выражаться в выработке консолидированной позиции белорусской и, соответственно, украинской иерархии или в стремлении к оформлению самостоятельных церковных структур двух народов. Во-первых, существовало общее государство РП с единым монархом. Нахождение под властью одного правителя двух православных митрополий было не только излишним, но и невозможным. Монархическую власть дважды освящать незачем, при условии, если первое признаётся истинным. Во-вторых, киевская митрополия находилась в подчинении константинопольского патриархата. Патриархам же было невыгодно дробление митрополии, т.к. это усложняло взаимоотношения. В-третьих, идея единой киевской митрополии и религиозного единства Руси являлась достаточно сильной и во многом определяла сознание людей рассматриваемой эпохи. Поэтому проявление национальных противоречий в Киевской митрополии можно наблюдать в особенностях религиозной ситуации в Украине и Беларуси, в обострении противостояния между митрополитом, резиденция которого находилась в Новогрудке, и различными представителями украинской иерархии в оформлении православных братств, стремящихся к перераспределению церковной власти.

За этими разнородными явлениями и конфликтами, имеющими, на первый взгляд, личные или корпоративные мотивы, проступает глубинная тенденция, тенденция национального самоопределения народов Беларуси и Украины в церковной жизни.

События, связанные с учреждением Львовской епархии, наглядно иллюстрируют особую религиозную ситуацию в Украине в отличие от Беларуси. Также их можно считать начальным этапом, когда противоречие между митрополитом и представителями украинской иерархии выходит на рассматриваемый уровень. Львовское епископство имеет давнюю историю, на протяжении которой некоторое время существовала Галицкая митрополия. Эта историческая традиция не была забыта. Митрополит имел титул: Митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси, а территория бывшей митрополии входила в его владения. В связи с этим учреждение новой епархии во Львове затрагивало не только права митрополита, но и формулировку его титула. Митрополит оказался в достаточно сложной ситуации. В дальнейшем было найдено решение, по которому шляхтич Макарий Тучапский был возведён в сан епископа в землях Галиции и Подолии. Однако его статус не был равен статусу остальных архиереев Киевской митрополии. Макарий являлся викарием митрополита и даже антимины (специальная ткань, на которой можно совершать богослужение) обязан был подписывать от его имени [6, с. 198]. Историческое наследие, удалённость новой епархии от резиденции митрополита, своеобразие религиозной ситуации на Львовщине заставляли его опасаться сепаратизма со стороны нового епископа. Уже следующий Львовский епископ Арсений Балабан фактически независимо от митрополита управлял кафедрой. Когда же новым митрополитом стал Иона III Протасевич, то в своей грамоте Сигизмунду Августу, помимо прочего, он просил, чтобы Галицкая архиепископия была вновь отдана в его управление [6, с. 212]. Парадоксальным образом митрополиту было выгодно восстановление влияния Львовского католического архиепископа на православную церковь в Галиции, которое тот имел до учреждения епископства.

Однако специфическая ситуация, в кото-

рой жила православная церковь в Украине, проявлялась не только в Галиции. Проблема православно-католических отношений была острой в Холмщине. Так, в 1533 г. часть церковных имений была передана королём католическому епископу. С распространением протестантизма возникла проблема их вмешательства в церковные дела. В 1565 г. епископ Антоний просил Сигизмунда запретить местной протестантской шляхте вмешиваться в религиозную жизнь своих подданных и препятствовать им посещать православные храмы [6, с. 463]. Во Владимирской епархии Стэфан Баторий выдал экспектативу на епископство католику Станиславу Жолкевскому [6, с. 460]. Украинские епархии были фактически самостоятельными и практически не подчинялись митрополиту как в силу удалённости, так и в силу королевского права патроната. Митрополит не имел возможности разрешать серьёзные конфликты в среде иерархии. В этих условиях всё зависело от предприимчивости и финансовых ресурсов конфликтующих сторон. Источники сохранили свидетельства о вооружённых столкновениях претендентов на Владимирскую и Холмскую епархии. С помощью оружия решались спорные вопросы в Львовской и Луцкой епархиях. Не имея возможности предотвратить указанные конфликты, митрополит в них практически не вмешивался.

Особенности влияния православного общества на церковную иерархию также отличают ситуацию в Украине от Беларуси. В Полоцке издавна существовали вечевые порядки. Горожане имели привилегии в связи с тем, что княжество вошло в состав ВКЛ по договору. Поэтому, как замечает Б. Флоря, в городе, вероятно, сложилась практика коллективного патроната над местной церковью, с которой должен был считаться и великий князь [8, с. 139]. В Пинской епархии не существовало традиций Полоцкой земли и, видимо, не было организованной позиции православного сообщества. Конфликт между епископом Кириллом Терлецким и владельцами имений по поводу их вмешательства в духовные дела и суды [6, с. 219] показывает, что действия шляхты определялись исключительно корыстными побуждениями и носили хаотический характер. На территории митрополичьей области в Беларуси ситуация

также была относительно стабильной. Мещане не имели ни ресурсов, ни авторитета, чтобы стремиться к перераспределению духовной власти в свою пользу. Магнаты ВКЛ – как православные, так и не православные – и без дополнительных действий фактически определяли избрание митрополита. Без их помощи он вряд ли мог рассчитывать на успех в реализации каких-либо серьёзных планов. Иной была ситуация в Украине. В Галиции, прежде всего, благодаря поддержке местной шляхты и мещанства, в 1539 г. было восстановлено епископство. В Холмской епархии решающую роль в прекращении распри между епископом Зиновием и его зятем Ф. Омнисом сыграло шляхетское ополчение [6, с. 464]. Во время календарной реформы Григория XIII галицкая шляхта и мещанство принимали самое деятельное участие в отстаивании старого календаря. Реагируя на пассивность митрополита в этом вопросе они писали о том, что великое несчастье находится под его пастырством, что он не заботится о защите своих словесных овец от волков, что при нём православные терпят такие беды, каких раньше не бывало [6, с. 264]. В Киеве постепенно устанавливается коллективный патронат над Киево-Печерским монастырём. В Луцкой епархии действия епископа Ионы Борзобогатого привели к вооружённому столкновению между ним и в начале князем Острожским, а затем и князем Пронским. Дело закончилось баницией (изгнание за пределы государства) епископа и его родственников [6, с. 248]. Таким образом, в отличие от Беларуси в Украине ситуация была значительно сложнее. В Беларуси авторитет и власть митрополита была слишком значительна, чтобы ей можно было противостоять, выдвигая собственное понимание прав и обязанностей архиерея. Система государственного патроната была достаточно эффективна в силу того, что ВКЛ сохраняло собственное административное устройство. Украина таких условий сохранения относительной стабильности не знала.

Удалённость от центров государственной власти в РП и ВКЛ вместе с вышеуказанными причинами создавала возможность действий, направленных на формирование специфической системы контроля над иерархией. Фаворитом в этом процессе была Галицкая шляхта и

мещанство. Однако если шляхта была в состоянии только критиковать состояние православной церкви, то мещанство предложило особую систему братств, призванную осуществлять контроль над действиями иерархии от имени всего общества. В 1586г. Антиохийский патриарх Иоаким IV утвердил устав Львовского братства, сделав его ставропигиальным. Помимо внутреннего устройства в уставе содержались пункты, дававшие братству привилегию надзора за мирянами и духовными, в том числе епископатом. Львовское братство должно было стать образцом для других братств, и они по грамоте патриарха должны были ему подчиняться [5, с. 30-31]. Даже учрежденное в 1587г. Виленское Троицкое братство не имело привилегии по отношению к духовенству и епископату.

Стремление дистанцироваться от власти митрополита усилилось к концу 80-х годов XVI в. Это было связано с приездом Константинопольского патриарха, который являлся главой православной иерархии РП. Его авторитетом и влиянием на верующих попытались воспользоваться украинские епископы. Титул экзарха получил епископ Луцкий К. Терлецкий. Он объявлялся наместником патриарха и обязывался следить за церковной жизнью митрополии. В это время, вероятно, Владимирский епископ Мелетий Хрептович, который являлся одновременно и архимандритом Киево-Печерского монастыря, получил звание протофрония, т.е. право быть первым среди епископов после митрополита. Обычно это место занимал полоцкий епископ. Следует отметить, что именно эти две украинские епархии являлись самыми богатыми в Киевской митрополии. Львовский епископ Гедеон Балабан добился от патриарха грамоты, по которой лидеры братства Юрий и Иван Рогатины, Иван Красовский отлучались от церкви за то, что с оружием защищали Онуфриевский монастырь от людей епископа и не дали ему возможности установить там свою власть [6, с. 273]. Однако надежды епископов на патриарха не оправдались. Он не обладал достаточными ресурсами и мотивировкой, чтобы дать возможность их воплощения. В сложившихся условиях епископы пытались найти выход в унии с Римом. Сразу после Брестского собора в июне 1590г. последовало обращение епископов Луцкого, Львовского, Пинского и

Холмского к королю о желании их признать власть Римского папы [7, с. 37]. Это заявление было составлено после решения собора в пользу Львовского братства о необходимости возместить ущерб, причиненный ему Львовским епископом. Как в последствии заявлял Холмский епископ Дионисий Збируйский, епископы были недовольны желанием митрополита расширить свою власть над ними более, чем следовало [3, с. 365-367]. На последующем соборе (1591г.) были приняты решения [6, с. 475], связанные с усилением власти епископов как у себя в епархиях, так и в отношениях со светскими патронами. Власть митрополита не ослабевала, но его возможности влияния на епископов ограничивались. Решения собора 1591 г. носили компромиссный характер. Однако конфликт братства и митрополита со Львовским епископом улажен не был. Решением Собора 1593г. Г. Балабан был осужден на отлучение [6, с. 300]. В июне следующего года, на новом Соборе, было вновь подтверждено его отлучение. Показательно, что в итоговой резолюции стоит подпись из всех епископов только митрополита и епископа Владимирского [6, с. 302]. Несмотря на все эти меры, Гедеон Балабан продолжал свою деятельность в епископском сане. Приблизительно в это время по приглашению епископа Кирилла в город Сокаль съехались владыки Львовский, Холмский, Перемышльский. На этом совещании были составлены условия принятия унии с Римом и поручено Кириллу Терлецкому представить их королю и митрополиту. В условиях оговаривалась сохранность всего церковного строя и ненарушимость его как со стороны светских лиц, так и со стороны некоторых духовных, гарантии епископату и духовенству от действий патриархов, отмена привилегий братствам, посвящаемость епископов от митрополита, а самого митрополита епископами по благословению Папы. Дополнительно оговаривалась возможность пользоваться привилегиями католического духовенства. Митрополит добавил некоторые свои условия и, прежде всего, гарантию на сохранение митрополии и сана до конца жизни в чести, уважении и покое [1, с. 211]. Таким образом, соглашение в Сокале показало стремление епископата, как и ранее, к упрочнению собственной власти в епархиях и усилению своего влияния в обществе при

минимально возможном усилении власти митрополита. Сам митрополит, оказавшийся фактически в безвыходном положении, был вынужден дать согласие на эти предложения, т.к. отказать поддержать инициативу четырёх епископов, одобренную королём, грозило серьёзными последствиями. Митрополит Михаил постарался сохранить в создавшихся условиях максимальную свободу действий, оговорив при этом личные гарантии и условия держать его согласие в тайне. Эта инициатива не могла не казаться ему опасной, так как в проекте участвовали епископы, чьё стремление дистанцироваться от власти митрополита было очевидным. По мнению Г. Балабана и М. Копыстенского, епископы собрались «маючи обтяжливости от е. м. отца митрополита Михаила за оскарженьем людей некоторых на нас, епископов» [2, с. 453]. Кроме того, именно митрополит становился основным объектом антиуниатской пропаганды. Об опасениях М. Рогозы свидетельствует письмо к нему Ипатия Потёя после переговоров в Торчине (январь, 1595г.) с Бернардом Мацейовским. В нём Потей пересказывает заверения Мацейовского, что после унии и старший (митрополит – Ш.П.) будет иметь большее значение и все будут его слушаться и бояться, что необходимо улучшить содержание кафедры, и Киево-Печерский монастырь должен быть под управлением митрополита [6, с. 308]. Кирилла Терлецкого митрополит открыто подозревал в стремлении на его место. В письме Скумину-Тышкевичу митрополит, по-прежнему стремившийся дистанцироваться от активных сторонников унии, дипломатично спрашивал «не оставить ли митрополию? Уже есть наготове митрополит – владыка Луцкий, которому обещано и владычество за ним оставить и дать митрополию» [6, с. 319]. Если с развёртыванием проекта унии опасения о том, что она является средством ослабления власти митрополита как таковой, постепенно отходили на второй план, то опасения о сохранении митрополии оставались, как видно, очень актуальными. На подобное изменение характера униатской инициативы наиболее чутко отреагировал Львовский епископ. Для него уния в вырисовавшемся к началу лета масштабе не сулила никаких преимуществ. Возможное усиление власти митрополита, влияния Кирилла Терлец-

кого и Ипатия Потёя сулили ему роль второстепенного викарного епископа. При этом уния, как становилось ясно, не могла решить проблему Львовского братства, которое имело большое влияние и разнообразные грамоты на свои привилегии. Кроме того, негативно к инициативе епископов отнёсся и крупнейший украинский магнат, киевский воевода князь К.К. Острожский. В июле 1595г. епископ Львовский Гедеон публично отрёкся от своего участия в деле унии [6, с. 324]. В августе 1595г. его примеру последовал Перемышльский епископ Михаил Копыстенский [6, с. 484]. Не подчинился королевской грамоте и Киево-Печерский архимандрит, а если учесть, что воеводою в Киеве был К.К. Острожский, то можно утверждать, что на части митрополичьей области с центром в Киеве также преобладали противники унии.

Таким образом, когда стало ясно, что уния – это не панацея от всех бед, что невозможно с её помощью рассчитывать на усиление собственной епископской власти при одновременном ослаблении власти митрополита, т.к. если возможно усиление и сплочение церковной иерархии, то только на всех её уровнях, что борьба за утверждение и сохранение унии будет сложной и продолжительной, что те порядки, к которым привыкли епископы и какие бы в более совершенной форме хотели сохранить придётся корректировать, то ряд влиятельных представителей православной иерархии отказываются от своего участия в унии. Другие же, во главе с митрополитом – невольником этого процесса, продолжают начатое дело, которое завершилось Брестскими Соборами в октябре 1596 г. сторонников и противников унии. Последующие события в жизни православного населения Речи Посполитой (утверждение униатской иерархии и распространение унии, антиуниатское движение) привели к воплощению тех тенденций, которые прослеживались на протяжении середины – второй половины XVI в. На территории Беларуси закрепилась униатская иерархия. Территория Украины становится центром антиуниатского движения, где позднее сформировалась и соответствующая иерархия [4, с. 17].

Возрождение Украины как одного из религиозных центров Речи Посполитой проходило в сложных, противоречивых условиях и яви-

лось делом не только иерархии, но и всего украинского общества. Наиболее ярко эти процессы проявлялись во Львовской и Луцкой епархиях. Киев, несмотря на свою историю и значение в глазах верующих, в административно-церковном отношении был непосредственно подчинён митрополиту и поэтому не мог в это время объединить различные круги украинского православия, которые действуют самостоятельно. Львовщина, вдохновляемая традициями Галицкой митрополии, несправедливо униженная отсутствием епископа и вмешательством католиков в религиозную жизнь православных, а после восстановления епархии статусом епископа как викария митрополита, стремилась восстановить свои позиции. Это стремление было настолько мощным, что достаточно слабая епископская власть не могла его аккумулировать. Львовское братство становится тем центром, который пытается распространить своё влияние на всей части Киевской митрополии, используя при этом власть и влияние восточных патриархов, православных магнатов государства, достаточно умело играя на противоречиях между епископом и митрополитом. Самостоятельная деятельность братства, претензии на лидерство в православном обществе приводили к столкновениям со львовским епископом, чьи планы разбивались о собственную епархию, которая, вместо того, чтобы быть ему опорой, становилась едва ли не главным препятствием на пути воплощения его амбиций. Луцкая епархия, будучи богатейшей, позволяла своему владыке строить далеко идущие пла-

ны, которые если не реализовались в полном объёме (частично в титуле экзарха), то в силу тех обстоятельств одним из инициаторов и «заложником» которых он стал. Идея унии, основным проводником которой был Луцкий епископ, в начале являлась средством децентрализации и интриги лично против митрополита. Это предопределило его сдержанное к ней отношение. В дальнейшем уния стала как фактором консолидации иерархии, когда личные амбиции отходили на второй план, так и средством размежевания на две фактически независимые, воспринимающие себя как православные, церковные структуры. Структуры, которые в условиях XVI-XVII вв. видели друг в друге незаконное образование, внесшее раскол в единую Киевскую митрополию.

Литература

1. Акты, относящиеся к истории Западной России (АЗР). СПб., 1851. - Т.4.
2. Архив Юго-Западной России. Киев, 1859. - Т.1.
3. Акты, издаваемые Виленской Археографической Комиссией (АВК). Вильня, 1875. - Т.19.
4. Держава, суспільство і Церква в Україні у XVII ст. Львів, 1996.
5. Крыловский А. Львовское ставропигиальное братство. К., 1994.
6. м. Макарий. История Русской Церкви. М. 1996. - Т.5.
7. Уния в документах: Сб./сост. В.А. Теплова, З.И. Зуева. Мн., 1997.
8. Флоря Б.Н. Отношение государства к церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья) М., 1992.

*Поступила 17.05.2004 г.
Принята в печать 25.06.2004 г.*
